

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Пахно Денис Геннадьевич

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток.*

SOCIAL CONDITIONALITY OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Pakhno Denis

*Postgraduate student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Law School, Far Eastern Federal University,
Vladivostok*

DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2021.4.65.400

АННОТАЦИЯ

Современное уголовное законодательство Российской Федерации нуждается в институтах, способствующих гуманизации уголовного права. Одним из таких институтов, активно обсуждаемых в научном юридическом сообществе, выступает административная преюдиция, которая за счет своей законодательной конструкции формирует запрет на совершение определенных действий, закрепляемых в уголовном кодексе РФ, что выступает одним из возможных способов превентивного воздействия на лиц, склонных к антиобщественному поведению.

ABSTRACT

Modern criminal legislation of the Russian Federation needs institutions that contribute to the humanization of criminal law. One of such institutions, actively discussed in the scientific legal community, is the administrative prejudice, which, due to its legislative structure, forms a ban on the commission of certain actions enshrined in the criminal code of the Russian Federation, which is one of the possible ways of preventive influence on persons prone to antisocial behavior.

Ключевые слова: административная преюдиция.

Keywords: administrative prejudice.

В современном российском уголовном законодательстве институт административной преюдиции выступает предметом активных научных дискуссий как среди теоретиков, так и практиков, связанных во многом с назревшими в обществе потребностями в гуманизации наказаний за нетяжкие преступления и сложившейся тенденцией к появлению в Уголовном кодексе Российской Федерации норм, предусматривающих административную преюдицию.

Однако, несмотря на относительную новизну обсуждений и дискуссий в кругах научных сообществ и практиков, исследуемый институт не является новшеством современного нормотворчества. В частности, зачатки данного института отсылают нас к нормам Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. А широкое распространение данный конструкт получил в советском уголовном праве, в частности Уголовный кодекс РСФСР 1960 года предусматривал более 15 составов с административной преюдицией за преступления, посягающие на имущественные, хозяйственные, транспортные общественные отношения.

Однако с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году данный институт был предан забвению как пережиток эпохи советского прошлого. К вопросу о необходимости возрождения института

административной преюдиции вернулись только в 2009 году после выступления президента РФ Дмитрия Медведева.

В своей речи на заседании президиума Госсовета президент высказал мнение о том, что жизненные реалии свидетельствуют о необходимости такого правового конструкта как «административная преюдиция», поскольку данный институт не позволяет признавать правонарушения уголовно-наказуемыми и привлекать виновное лицо к уголовной ответственности при отсутствии предварительного решения уполномоченного органа, выраженного в форме привлечения лица к административной ответственности.

Данную мысль президент высказал позднее во время выступления с Посланием Федеральному Собранию РФ. Д.А. Медведев подчеркнул, что привлекать к уголовной ответственности стоит только при неоднократном совершении виновным лицом административного правонарушения. Именно неоднократность является основанием для признания административного правонарушения уголовно-наказуемым.

Одновременно с этим, необходимость возрождения института «административной преюдиции» привело к множеству дискуссий и споров на предмет правомерности, необходимости, целесообразности, а также научной

обоснованности использования такого конструкта как «административная преюдиция в уголовном праве». Несмотря на множество противников в научной среде, данный институт впервые нашел свое отражение в современном российском уголовном законодательстве в Федеральном законе от 29.07.2009 года № 216-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В соответствии с новой нормой закона статья 178 УК РФ получила расширение в виде примечания, содержащего в себе административную преюдицию. Новая норма устанавливала зависимость признания неоднократного злоупотребления доминирующим положением в зависимости от наличия определенного количества раз привлечения лица к административной ответственности за злоупотребление положением в течение определенного времени – два раза в течение трех лет (п. 4).

Несмотря на то, что данное примечание было отменено Федеральным законом от 08.03.2015 года № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации», оно заложило фундамент для дальнейшего расширения сферы влияния административной преюдиции в уголовном праве России.

Так Федеральным законом от 21.07.2011 года № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» был введен в действие еще один преюдициальный состав, предусмотренный ст. 151.1 УК РФ (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции).

Помимо этого, изменения с 2014 года в Уголовном кодексе РФ появляются еще восемь статей, предусматривающих административную преюдицию.

Следовательно, можно констатировать факт того, что данный институт из частного случая перерос в полноценный уголовно-правовой институт, что позволяет выделить отличительные особенности данного явления:

- 1) административная преюдиция обладает неразрывной связью с отраслью уголовного права;
- 2) данный институт является самостоятельным;
- 3) является особым методом правового регулирования;
- 4) отношения, регулируемые данным институтом, являются однородными.

В связи с толкованием административной преюдиции как института уголовного права, особое значение приобретает его социальная обусловленность, определяющая общее назначение и юридический смысл административной преюдиции. Особенно актуально проблема социальной обусловленности возникает на фоне дискуссии о месте административной преюдиции,

ее правовой сущности и юридической целесообразности.

Данный спор разделил научное сообщество на два лагеря, один из которых придерживается консервативной точки зрения в отношении уголовного права, его методов и задач, указывая на противоречие административной преюдиции не только существующим методам и задачам, но и общим положениям о преступлении.

Другая же часть ученых видит в административной преюдиции средство взаимодействия между нормами уголовного и административного права, с помощью которого осуществляется пресечение устойчивой антисоциальной склонности субъекта к совершению правонарушений.

Таким образом, анализ социальной обусловленности административной преюдиции позволит рассмотреть данный институт не с позиции мнения традиционного или прогрессивного толка, а с точки зрения самой социальной действительности и возможности ее отражения в административной преюдиции.

Поскольку административную преюдицию мы относим к числу правовых институтов, то считаем справедливым распространить на нее общие положения о социальной обусловленности уголовно-правовых норм вообще. Что же понимается под социальной обусловленностью?

П.С. Тоболкин считает, что основная проблема социальной обусловленности уголовно-правовых норм состоит в том, что современные нормы уголовного права основываются и ориентируются на нормы уголовного права советского периода времени, в связи с этим существует необходимость в их использовании, в то время как необходимо ориентироваться не на саму норму и ее экономические, политические, психологические, нравственные и иные факторы, а на социальные факторы.

Основным социальным фактором является общественная опасность как субъективно-объективная категория, которая выражается в способности такого поведения причинять существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Здесь общество получает возможность оценить поступок с точки зрения закономерностей его развития, господствующей в обществе системы социальных ценностей. Качественная сторона общественной опасности в связи с этим существует как выразившееся в деянии отношение лица к данной системе [1, С. 7].

Более широкое теоретическое основание социальной обусловленности уголовно-правовых норм выделяет М.А. Сутурин, который отмечает, что им является социальная ценность этих норм, которые должны восприниматься в качестве отдельного продукта общественной жизни. Социальная ценность норм уголовного права, в свою очередь, определяется их эффективностью. Правовые учреждения, всегда имеющие глубокую общественную природу, ... бывают или социально

ценными, или социально вредными, ущербным» [2, С. 63].

Эффективность нормы является ее внутренним свойством, понимаемым как «способность оказать благотворное воздействие на объект в заданном направлении при данных конкретных социальных условиях.

Более того, под эффективностью правовых норм можно понимать их способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения и на установки их участников в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период их действия в стране».

В соответствии с данными точками зрения, можно сделать вывод о том, что в основе криминализации (декриминализации) деяний должно рассматриваться такое свойство как общественная опасность.

Также можно сделать вывод, что общественная опасность представляет собой не просто указание на потребность избавления общества от нежелательного и вредного типа поведения, за общественной опасностью кроются куда более глубокие причины и потребности общества.

Иначе говоря, представление об общественной опасности исходит из более широких социальных представлений о правовых ценностях, определяющих общий уровень развития данного общества, его нравственное состояние и правовую культуру. Нормы права, в том числе уголовного права, не имеющие потенциала к их реализации и исполнению в силу отсутствия в них социальной потребности, не могут демонстрировать не только эффективность в рамках правоприменительной деятельности, но и в целом вызывают общественное негодование по поводу осуществляемой уголовно-правовой политики государства.

В соответствии с вышеизложенным, критерий общественной опасности выполняет одну из важнейших ролей в уголовно-правовой науке, выступая как критерий криминализации деяний. В связи с этим встает вопрос об надлежащей объективной оценке общественной опасности преступлений. Она должна отражать не только политические интересы, но и интересы всего общества, что приведет к определенному уровню безопасности и защите от криминальных угроз [3, С. 35].

При этом интенсивность защиты зависит из многих обстоятельств: материальных, технических, технологических, правоохранительных, культурных, аксиологических и иных параметров общественного состояния и сознания. Не сложно заметить, что уголовная политика в целом опирается на фундаментальные принципы развития общества, берущие свои начала из естественно-правовых идей, в которых человек выступает высшей ценностью.

В связи с этим примечательным является одно из Постановлений Конституционного Суда РФ, в

котором сформулировано положение о том, что уголовно-правовые запреты и наказания, а также процессы криминализации и декриминализации должны предопределяться конституционными основами правового государства и соответствовать справедливости [4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что точки зрения ученых на социальную обусловленность норм уголовного права во многом схожи, однако помимо обозначенных критериев необходимо, на наш взгляд, кроме социальной ценности норм уголовного права, также включить и социальную ценность объектов уголовно-правовой защиты.

Таким образом, логика критериев, определяющих социальную обусловленность уголовно-правовых норм, выстраивается следующим образом: нельзя говорить о ценности защиты тех или иных социальных объектов без оценки общественной опасности деяния.

В основе системы уголовной политики лежит человек, его права и свободы, являющиеся высшей ценностью в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, следовательно, без понимания ценности объекта уголовной политики ставится под сомнение эффективность не только правоисполнительной, но и правоприменительной, и законодательной деятельности, а стало быть, и об эффективности уголовной политики.

Вопросы, связанные с внутренней и внешней согласованностью уголовно-правовых норм, а также правильностью их применения, несомненно, важны, но не являются, на наш взгляд, определяющими, когда речь идет о сугубо технико-правовом аспекте, выраженном в формальной логике, но не в социальном смысле.

Вместе с тем интерес к юридической технике может быть обусловлен именно социальной необходимостью установления юридических конструкций, особенно когда речь идет об уголовно-правовых нормах с административной преюдицией. Социальная обусловленность такого рода конструкций вытекает из реальных общественных отношений, самой жизни общества и отражает общее направление уголовной политики на конкретном этапе развития.

Таким образом, конструкция уголовно-правовых норм, в том числе с административной преюдицией, должна отвечать целям своего установления, что определяет диалектическую взаимосвязь формы уголовно-правовой нормы и ее содержания.

На данном этапе развития государство стремится создать связь между институтом административной преюдиции и уголовной политикой, декриминализировать незначительные по степени общественной опасности преступления, за счет вывода таких преступлений в сферу административного законодательства и наладить межотраслевое взаимодействие между нормами административного и уголовного права, где основополагающим принципом для привлечения к уголовной ответственности и указания на уровень

общественной опасности будет являться воля самого человека, демонстрирующая либо антисоциальное поведение, либо проявляющего нормативную сдержанность. Роль же воли законодателя уходит на второй план, уступая место воле самих людей.

Кроме того, социальный смысл формальной связи административных проступков и преступлений с преюдицией отражает не только гуманизацию уголовной политики путем сужения сферы уголовно-правового регулирования нетяжких преступлений, но определяется самими свойствами отраслей права – административного и уголовного оказывать постепенное репрессивное воздействие на сознание человека от меньшего (административного воздействия) к большему (уголовно-правовому).

В частности, на уровне правоприменения, устанавливая преюдициальные конструкции в уголовном праве, законодатель исходит из того, что уголовно-правовой метод должен быть применен только в том случае, когда противодействие антиобщественному поведению лица средствами административного права оказалось неэффективным. На уровне правосознания – преюдициальные преступления оказывают сдерживающее воздействие в части осознания лицом, допустившим административное правонарушение, имеющим преюдициальное значение, за которое это лицо понесло соответствующее наказание, что за следующим подобным проступком последует уже не административное взыскание, а реальная уголовная ответственность.

Гуманизм в сфере уголовной политики проявляется, в том числе в принципе экономии мер уголовной репрессии. Содержание этого принципа в криминализации предполагает установление уголовно-правового запрета только в том случае, когда невозможно эффективно регулировать соответствующие общественные отношения нормами других отраслей права [5, С. 151].

В связи с этим при одинаковой степени эффективности уголовно-правовых и иных правовых средств защиты социально значимых объектов, первостепенное значение должно придаваться не уголовно-правовым мерам, а иным правовым (в том числе административным средствам воздействия).

Такой подход, на наш взгляд, соответствует общей тенденции гуманизации уголовной политики России и является социально необходимым как с точки зрения противодействия устойчивому антисоциальному поведению лица, так и с точки зрения снижения репрессивного характера юридического регулирования, что позволяет сохранить за человеком его гражданское достоинство и преобразовать моральный и политический облик уголовного закона из карательного инструмента в инструмент предупреждения преступлений.

Литература:

1. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 7.
2. Сутурин М.А. К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы // Сибирский юридический вестник. 2005. №1. С. 63.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики // М.: Проспект, 2014. С. 35.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 г. №4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // СЗ РФ. 2006. №18. Ст. 2058.
5. Сабитов Т.Р. Система уголовно-правовых принципов. М.: Проспект, 2012. С. 151.